

КАК ПРОГРАММИРОВАТЬ СУДЬБУ

История жизни
изобретателя
Роберта Федосеева,
рассказанная им
самим

Человека создает взаимодействие врожденной программы и многочисленных внутренних и внешних факторов. Вне социума вырастает Маугли, в социуме – человек. Но какой? Тот, кто не придает значения самопрограммированию, – всегда в проигрыше.

В каком бы интеллектуальном процессе человек ни находился, пишет ли он, разговаривает, слушает, смотрит, – он программирует себя, меняет свои отношения с миром. Поэтому ко сну, письму и всем прочим видам деятельности надо относиться очень уважительно, внимательно, с почтением. От программирования зависит наша судьба. И окружающие тоже нас программируют, иногда спонтанно, иногда с намерением манипулировать нами. Об этом следует помнить, оценивать воздействия и фильтровать их.

«НЕУВЯДАЮЩАЯ СЛАВА»

Не подозревая значения своего имени Роберт, я видел, что на него всегда реагируют особым образом. Кто-то улыбается, кто-то делает кислую мину. Но всегда наблюдается «оживление в зале». Как правило, спрашивают о национальности: немец? еврей? англичанин? армянин? Обычно я не отвечаю, делаю удивленное лицо: какое это имеет значение? Есть люди, для которых это имеет значение. Для тех, кто определяет отношение к человеку, исходя из его национальности.

Когда я учился в шестом классе, началось печально знаменитое уго-

ловное дело врачей-отравителей, оно же – дело о сионистском заговоре, закрытое в 1953 году после смерти И.В. Сталина. Это была массовая кампания. Одноклассники пытались бить меня как еврея, то есть несомненного «врага народа». Даже тогда меня удивляло: оказывается, можно объявить человека преступником на основании его принадлежности к какой-то национальности. А сейчас могу сказать так: если вы будете расстреливать человека только потому, что он еврей, татарин, эфиоп, индеец – я,

русский, стану к стенке рядом с ним.

Имя Роберт означает «неувядающая слава». Когда моя мама ждала моего появления на свет, родители посмотрели фильм «Дети капитана Гранта» с чудесной музыкой Исаака Дунаевского. И сын капитана Роберт в исполнении Яши Сегеля, будущего кинорежиссера, произвел такое впечатление на моего отца, что он настоял, чтобы и меня назвали точно так же. У мамы никогда не было желания выделиться, а вот отец был честолюбив.

Кадр из фильма «Дети капитана Гранта». Роберт (Яков Сегель) и его сестра Мэри (Ольга Базанова)

Таким, как Роберт в исполнении Яши Сегеля, представлялся я в мечтах моим родителям. Некоторое внешнее сходство между нами было. Но главное – проявилось сходство характеров: храбрость, решительность и готовность бороться за победу.

Дед мой, Венедикт, работал в конце XIX века на брянском заводе токарем, изобрел станок, запатентовал его и на вырученные большие деньги купил мельницу в селе Семяновка под Конотопом в 200 километрах от Киева. Несомненно, он имел предпринимательский дар. Открыл ремонтную мастерскую, чинил всей округе патефоны, велосипеды – любые механизмы. Женился на украинке. Шикарная была женщина, судя по фотографии – красивая, мощная, здоровая. Дед был невысок ростом, но богат умом. Растили они 13 детей, всем дали образование, всех научили работать руками и головой.

Мой отец, тринадцатый ребенок, родился в 1915 году. У него был каллиграфический почерк удивительной красоты, такого сейчас не встретишь даже среди компьютерных шрифтов. Надписанные им мои школьные тетради помещали на выставочных стендах. Откуда такой почерк? Трудно сказать, но это одно из подтверждений тому, что в семье были в почете аккуратность, терпение, тщательность, чувство прекрасного.

Отец любил музыку, живопись. Своими золотыми руками делал для мамы украшения, которыми восхищались окружающие. В войну она продавала их, чтобы прокормить семью.

В 1930-х годах деда раскулачили. Его старшего сына, который был начальником «Главснаряда» с правами министра, расстреляли. Второй сын, будучи секретарем парторганизации Семяновки, пытался защитить брата и попал на 19 лет в колымские лагеря. Его жена приехала к нему как декабристка, и там родились их дети.

ЧЕСТОЛЮБИЕ НА ГЕННОМ УРОВНЕ

Моего отца, Юрия Венедиктовича, как члена семьи врагов народа, тоже

Наша улица – 3-я Мещанская в 1954 году

должны были репрессировать. Он работал в то время на военном заводе и был одним из двух людей в СССР, умевших точить микрометрические винты. Без микрометра нельзя сделать ни одну точную машину. Можно было купить за границей, но цена за один микрометр была как почти за эшелон хлеба. За золото не продавали. Так вот, второй токарь-умелец периодически уходил в запой. И это спасло отца от ареста. Позже он стал мастером на том же заводе, а последние 40 лет жизни был начальником крупного цеха, где 370 человек работали в три смены, и всегда выполнял план. При этом его зарплата была значительно меньше, чем у начальников других цехов, и отец в отличие от них не получил ни одного ордена, правда, медалей удостоился. Возможно, это было продолжение репрессий. Но причина могла быть и в том, что отец не имел вузовского диплома. Потому он был убежден, что если сын получит образование, то пойдет дальше него.

Помню, как приходили к нему друзья. Выпьют, повеселеют, и отец просит меня: сыграй «Чардаш» Витторио Монти (1868-1922). Я исполняю его желание, и все довольны, а отец – особенно: сын так замечательно играет на аккордеоне! Его честолюбивые стремления передались мне на генном уровне и были закреплены воспитанием, отношением отца к

моим успехам. А оказывается, еще и имя многое определило. Как корабль назовешь, так он и поплывет, даже если ты не знаешь тайного смысла названия.

Мама моя, Варвара Ивановна, тоже не получила высшего образования. Работала в бухгалтерии, кажется, даже не бухгалтером, а счетоводом. Она была добрейшим человеком из всех, кого я знал. Всегда давала мне деньги, на что бы я ни просил, а просил я на книги, пластинки, театры. Отец не был так щедр. Он считал, что мальчика, будущего мужчину, баловать не стоит, а уж когда я начал работать, то свои развлечения должен был оплачивать из собственного кармана. Отец приходил домой усталый, минимум после двух смен в своем цеху, и не вникал в детали. А мама продолжала помогать и давала денег, чтобы я мог сходить с девушкой или другом в кафе или театр.

В школьные годы я пересмотрел все спектакли во всех театрах Москвы и долгие годы оставался театралом и меломаном. Любил бывать в консерватории и Концертном зале имени П.И. Чайковского, слушал там многие хоры, почти все симфонические оркестры. Часто бывал в Большом театре. Из всех опер, услышанных вживую, больше всего нравится мне «Пиковая дама». Однажды я пригласил на «Пиковую даму» свою невесту. Ко-

нечно, купил билеты в первый ряд партера. Дирижировал знаменитый А.Ш. Мелик-Пашаев, это был один из лучших его спектаклей. И он, начиная с увертюры, все время довольно громко подпевал оркестру, заглушая певцов. Так я узнал, что и первый ряд имеет неудобства.

РИСОВАНИЕ – ПОДГОТОВКА К ЗАПИСЫВАНИЮ МЫСЛЕЙ

Первое, что нужно дать ребенку, – это бумага. Родители, которые этого не делают, совершают преступление перед будущим. Пусть младенец мнет, рвет чистые листы – это нужно для его развития. Чуть-чуть подрастет – дайте ему рисовальные принадлежности! Рисуя, дитя учится переносить образы из воображения на бумагу. Это подготовка к записыванию мыслей. Ребенок, рано научившийся пользоваться карандашом, как правило, начинает вести дневник. Большинство из нас упускает важнейшую вещь: запись. Почему важно писать? Потому что если я запишу, то запомню (разовью память) и кому-то передам информацию (осуществлю коммуникацию). Записывая, я учусь формулировать точно и понятно. Перечитывая записи, я, рефлексирюя, совершенствую мышление. Компьютер – да, и его можно дать ребенку, но потом, очень потом!

В 12 лет я получил от родителей в подарок письменный стол. Мы жили впятером в комнате площадью 13 квадратных метров, но для письменного стола не пожалели места. И я стал вести дневники, и вел их до 20 лет. То есть я не только думал, но и записывал.

КАК ЗАКАЛЯЛСЯ ХАРАКТЕР

Конечно, я не проводил за столом весь день. Мне не была чужда обычная мальчишеская деятельность – игры, в основном спортивные. Меня избирали капитаном команд. Я был заводилой, изучал правила по всем видам спорта, а это тоже очень развивает. Устраивал турниры во дворе и готовил к ним команды. Летом –

футбол, баскетбол, волейбол, теннис, настольный и большой. Ракетки мы делали сами, хотя площадка была меньше, но похожая на настоящую, а правила игры соблюдались неукоснительно. Наша 3-я Мещанская (ныне улица Щепкина) была метров десять шириной, и мы без рук на велосипеде катались и поворачивали. Однажды я перелетел через руль и здорово ушибся, разбил нос. Но вот в чем дело: чтобы из вас получился человек, вам нужны испытания. Совсем немного я боксировал. Приходилось драться и на кулаках.

Зимой были особые развлечения, иногда тоже рискованные. В конце 1940-х коньков с ботинками у нас еще не было. Прикручивали мы к валенкам полозья, цеплялись за грузовики железными крюками и мчались по своей Мещанской. Мальчишеский вид спорта: кто дальше проедет? Получалось от 200 до 500 метров. Если милиционеры видели нас на дистанции – гоняли, но милиции на улицах тогда почти не было.

Играли мы в русский хоккей с мячом. Потом, в начале 1950-х, появились коньки-канадки, стал моден хоккей с шайбой, и мы перешли на него. Играли двор на двор. Рядом

был дом работников КГБ, и мы этих ребят часто обыгрывали. Во-первых, были менее избалованы, во-вторых, помнили свое рабоче-крестьянское происхождение, и нам необходимо было выигрывать, чтобы доказать свою значимость, свое превосходство. Борьба была вполне серьезная. Это очень закаляло характер.

БОИ ПО ПРАВИЛАМ И БЕЗ

И драки были, как без этого? Бокс – это бои по правилам, а были и без правил. Над младшими издевался один уголовник, лет двадцати пяти, и однажды мне тоже досталось: он толкнул меня в полуподвал через застекленное окно, я разбил его головой и, пролетев метра полтора, упал. Отнесли меня в больницу, зашили рану, сделали уколы от столбняка. Больше шестидесяти лет прошло, а шрам остался. Совсем близко к углу левого, по сути единственного, глаза.

Правый глаз у меня с рождения поврежден, им я почти не вижу, роговица помутнела. До войны, когда мне было два-три года, отец подкопил денег и повел меня к тогдашнему корифею офтальмологии М.И. Авербаху. «Идиоты, – сказал Михаил Иосифович, – пришли бы сразу – я бы всё

исправил!» А я усугубил недостаток тем, что стал зажмуривать глаз, чтобы скрыть косину. Стал у меня «хитрый глаз» – часто прищуренный, словно бы со значением.

В моем военном билете написано: «Годен к нестроевой в военное время». То есть в тылу, в обозе, в охране. Но не на передовой, потому что стрелять не могу. Так что в армии я не служил. Думаю, что я много потерял. Даже если бы там была дедовщина. Нет, тем более, если бы там была дедовщина. Я должен был бы это испытать и с этим справиться. Я стал бы сильнее.

ЛЮБОВЬ ВДОХНОВЛЯЕТ НА ПОДВИГИ

Девочки мне нравились с раннего детства. Но я считал себя уродом – кто ж меня такого полюбит? И не только не ухаживал, но даже не подходил к юным прекрасным созданиям, а только издали ими любовался. Само собой, был скромным, да еще и застенчивым.

В первый раз я влюбился в детском саду, в Люду Пузырёву. Это я так считал, что люблю ее. Мне было лет пять, а я все помню, значит это было всерьез. Влюбился на детсадовской даче, где-то в Крюкове, и там же осознал, что люблю. Помню, как лежу в корпусе на кровати и кричу: «Я влюблен!» Может быть, я кричал про себя, сейчас никто не скажет. Глупость, конечно: кричать о своей любви. А любить – необходимо, это вдохновляет на подвиги. Я всегда чем-то вдохновлялся, чтобы преодолевать свои слабости и недостатки, в том числе физические. Видимо, от рождения был наделен волей и развивал ее сперва инстинктивно, потом сознательно, и получилось, что, борясь с недостатком, я строил из себя, как мне казалось, полноценного человека-творца.

Мне представляется, что мозг у меня работает иначе, чем у «двуглазых». Психологи говорят, что человек стремится компенсировать любой свой физический недостаток, заметный со стороны, развитием других

Игра в дешки

сторон природы и выровнять свое положение.

ШАХМАТНЫЕ КОМБИНАЦИИ

Когда мне было пять лет, дядя достал из шкафа шахматы из слоновой кости и быстро научил меня играть. На другой день я стал его обыгрывать, и комплект исчез: дядя сказал, что шахматы больно дорогие для ребенка. Пришлось купить деревянные. Но дядя и деревянными со мной больше не играл. Играли его дети, мои кузены, они были старше меня и давали мне подзатыльник каждый раз, когда проигрывали, то есть почти всегда. Я гордился: да, вижу только одним глазом, но в шахматы вас обыграю. Потом братья тоже отказались играть. И стал я искать взрослых партнеров в шахматных клубах.

Каждое лето я проводил сперва на даче с детсадом, потом в пионерских лагерях, и там побеждал в шахматных турнирах. Потом играл в школе и на работе – почти ежедневно на протяжении пятнадцати лет. Шахматы сделали свое дело – развили меня. Недаром многократный чемпион мира, великий Анатолий Карпов предлагал ввести шахматы в школьную программу. Но у меня предложение лучше:

изобретенная мной игра дешки. Что это такое сейчас говорить не буду, поищите в интернете сайты и ролики.

Нет в мире ничего абсолютно хорошего, как и абсолютно плохого. Хорошее или плохое бывает только по сравнению с чем-то. Так вот по сравнению с шахматами дешки лучше, потому что напрямую связаны с базовыми знаниями по математике и логике. Играя в дешки, вы изучаете эти науки. А в шахматах вы логику и математику используете, но не изучаете.

Шахматы я бросил в двадцать лет принципиально. Мой друг Юра Коньков сказал: «У тебя получаются изобретения, зачем тебе шахматы?» С тех пор я выбрал карьеру и сознательно начал программировать себя на изобретателя. Исключил шахматы из жизни, потому что игра засоряет память искусственными позициями фигур, а мне нужно было освободить место для сведений по математике, физике, химии, психологии. В памяти всё же остались некоторые комбинации, партии и сеанс одновременной игры на 8 досках, который я дал в девятнадцать лет. Это был экстремальный двухчасовой процесс с исключительным результатом: я обещал выиграть все партии – и выиграл.

РЕКОРДЫ ТВОРЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

Освободив мозг, я стал изучать в патентной библиотеке описания изобретений не только в приборостроении, где я работал, а во многих других отраслях. Нельзя стать поэтом, если не читал чужих стихов. Так и тут. Конечно, я говорю о «действующем» изобретателе, о том, кто получает патенты. Тогда же с огромным напряжением создавал свои первые изобретения. Но в какой-то момент напряжение исчезло. У меня случалась высокая производительность творческого труда. В 1966 году – 33 заявки на изобретения, через год – 188, в 1968 году – 220, в 1969 – 30 заявок. Это рекорды моей творческой производительности.

На Выставке достижений народного хозяйства я получил три золотых, одну серебряную и одну бронзовую медали. По тем правилам больше одной медали в год человеку на ВДНХ не давали. А изобретения, в которых я участвовал как соавтор, собрали более 100 медалей. Портрет мой одно время висел на ВДНХ в Галерее Славы, и родители с удовольствием туда заглядывали по выходным.

Предложив концепции новых отраслей науки и техники (тепонику, лазерографию, дешграммную технологию), я стал концептуальным изобретателем, то есть существенно повысил свой статус.

В 2000 году меня избрали действительным членом Академии экологии и природопользования (академиком). В этой Академии сотни кандидатов и докторов наук, которые так же, как я, нашли способы сбережения ресурсов. Некоторые мои изобретения дали значительную экономию электроэнергии.

НЕОБХОДИМЫЕ И ДОСТАТОЧНЫЕ УСЛОВИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Как рождается изобретение? Я просыпаюсь – и нахожу в мозгу нечто новое, нуждающееся в запоминании. Я не знаю, возникло это нечто во сне или в момент перехода от сна к яви?

Но его нужно зафиксировать любым способом: нарисовать или записать словами, пока не забыл и не отвлекся. Зафиксировать трудно, поначалу даже и контуров будущего создания нет. Ты слышишь шум, неопределенный звук – ты имеешь дело с вестником. Но весть еще не получена и не расшифрована.

Можно попытаться выделить стадии процесса. Первая: вы понимаете, что дитя хочет родиться. Вторая: вы определяете, в какой мир стремится это дитя: мир музыки, техники, литературы? Определили. Теперь стадии три: установить связи, отделить новые признаки от известных. Здесь всякая дремота заканчивается, начинается труд: доведение образа до продукта. Нужно записать стихи словами, мелодию – нотами, оформить заявку на изобретение.

Рискну впервые сформулировать три необходимых и достаточных условия изобретения: новая идея (информация); фиксирование (запоминание) нового для последующего воспроизведения; определение и описание условий, в которых применение этого нового будет иметь преимущество перед известным.

СТРЕМЛЕНИЕ К ТОЧНОСТИ

Изобретение – не обязательно только техническое приспособление или вещь. Это может быть формула, закон, поэма, картина, песня. Сочинять музыку я начал в раннем детстве, напевал, насвистывал. Но не записывал, не понимая, что без запоминания нет творения (магнитофонов тогда не было). В возрасте после сорока я решил сочинять всерьез. Познакомился с теорией музыки, теорией композиции, техникой нотной записи, читал партитуры. Изучал психологию музыкального творчества и вообще сочинительства. Писал в основном песни, которых у меня более 400.

Прозу тоже писал. Я с детства мечтал стать писателем, но реализовал это через дневники. В детстве и юности дневники были «человеческие» – мысли, чувства, события, идеи.

Сейчас это дневники технические: записи изобретений. Ну и заявки на изобретения – это тоже писательский труд, как и статьи, как и видеоролики (их у меня более 2000) по теме моих научно-технических работ.

В 14 лет я за неделю выучил на аккордеоне тот самый «Чардаш» Витторио Монти. До этого я аккордеон в руках не держал, нот не знал. А «Чардаш» мне нравился. Я мог бы, конечно, его подобрать по слуху. Но зачем же подбирать, если можно сыграть точно? Думаю, стремление к точности – это особенность моего мозга, определившая изобретательскую карьеру. Когда мне исполнилось девятнадцать, при заводе «Тизприбор» открылся прокатный пункт пианино – 20 копеек в час. Я купил в нотном магазине «Лунную сонату» Л.Бетховена и за 10 часов выучил две первые части (третья уж очень сложна технически, на нее ушло бы часов сто).

Врожденная способность к самообразованию могла мне помешать получить образование официальное. После 10 классов я пошел на завод – не хотел дальше учиться. Я и в школу-то почти не ходил. После изгнания за прогулы мои родители два-три раза уговаривали директоров вернуть меня к учебе. Молодцы родители! Не будучи дураком, я был совсем глупым: меня нужно было заставлять получить документ об образовании. Всю жизнь я работал только по приглашению, никогда никуда не просился. На завод пошел по приглашению отца, но не в его цех, а в лабораторию. Потом меня заметили и пригласили в НИИ «Теплоприбор», потом на завод авиапромышленности «Наука», в НИИ «Оргтехники» – уже как известного изобретателя, чтобы я усовершенствовал ксерокс, но я предложил вместо ксерокса лазерографию и первым в мире получил лазерную копию на бумаге.

С 1962 по 1968 годы я учился в Государственном технологическом университете на вечернем факультете. Получил диплом инженера-электро-механика по автоматизации техно-

гических процессов – именно то, что надо. К моменту защиты диплома у меня было уже около 300 патентов. В институт приходил только на сессии: я занимался самообразованием, интенсивно работал и не мог тратить время на лекции. Преподаватели этого не одобряли, но понимали меня. В зачетном листе мой средний балл – 4,5.

НЕ НАВРЕДИТЬ ИНТЕЛЛЕКТУ

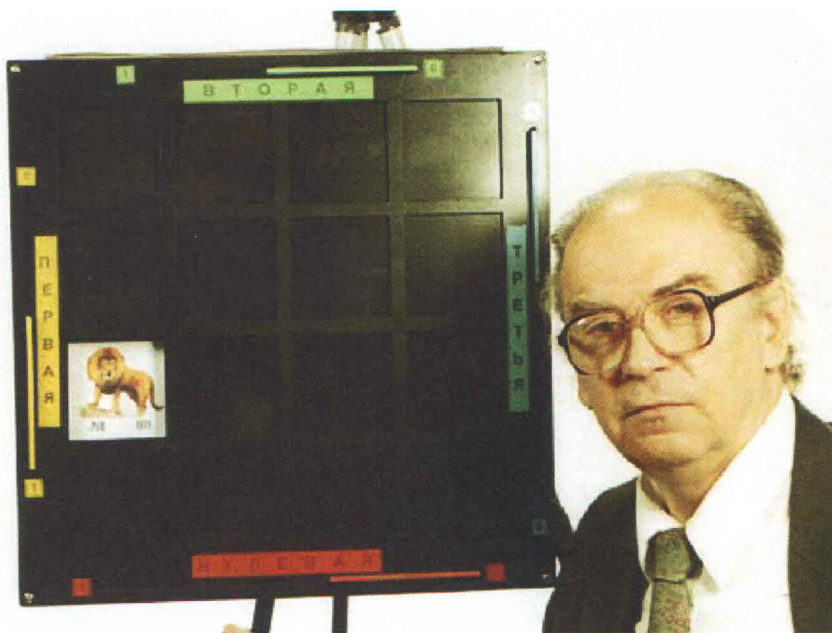
Я любил и люблю веселье, хорошую компанию. Был щедр и не копил деньги, хотя многие годы получал в совокупности 2-3 зарплаты: на работе, за изобретения, за литературные опусы (писал афоризмы, и их охотно публиковали в разных изданиях). Я был всецело занят творчеством, а деньги не имели большого значения и уж точно не могли быть целью.

Недавно я перенес тяжелую операцию. Теперь деньги мне нужны, я знаю, как их заработать, и не сомневаюсь, что сделаю это.

Я сторонник того образа жизни, который называют здоровым. Занимался спортом, много двигался. Никогда не пьянствовал, в какие-то периоды совсем не пригублял. Говорят, что если новорожденного ребенка часто целуют даже не пьяный, а слегка накануне (!) выпивший человек, то у него образуется привычка к алкоголю. Я этому верю. Мне сейчас 76 лет, и я стараюсь не пить даже кефир. Это может показаться смешным, но я хочу сохранить свой интеллект и боюсь ему навредить. Великий физик Лев Ландау рассказывал, как однажды на Новый год его заставили пригубить шампанское, и он потом три месяца не мог восстановить рабочую форму ума. Я тоже имел такой опыт в молодости и знаю, что Ландау не преувеличил.

Думаю, что у человека интеллектуального труда образуются новые разделы мозга, отсутствующие у тех, кто не использует ум интенсивно. Новые области, новые связи хрупкие, не устоявшиеся, их легко разрушить.

У ребенка возникает за секунду

Роберт Юрьевич Федосеев и его бинардик

порядка 3-4 тысяч новых связей, то есть новых мыслей и образов. С возрастом образование связей и без того затрудняется, а алкоголь нейроны губит. Так что чем мы старше, тем алкоголь опаснее.

В РЕЙТИНГЕ «СЛАВА РОССИИ»

Последние 25 лет я занимаюсь просветительской деятельностью. В 1989 году организовал Заочный лицей изобретателей, в котором училось около 1000 человек. Лицей существовал два года, а потом начался «лихие девяностые». Я перешел в пространство интернета: создал сотни сайтов, 2000 роликов, сотни статей в соцсетях («Живой журнал», «Гайд-парк», Facebook, ВКонтакте, «Всероссийский педсовет»). Сейчас трижды в неделю провожу трехчасовые вебинары об изобретениях в области новых компьютерных технологий (дешевых технологий).

Всю жизнь я стремился к успеху, к славе, к известности и кое-чего добился. Направления деятельности я выбирал разные. Каждый раз концентрировался на них полностью, становился профессионалом, получал ощутимые результаты. Венгерский изобретатель Эрнё Рубик прославился своим кубиком, но это игрушка для

XX века. А я заработал известность как изобретатель бинардика, и это игрушка уже для XXI века. В рейтинге «Слава России» я занимаю шестое место среди изобретателей.

Я программировал себя, и мне не требовался для этого ни компьютер, ни знание языков программирования, хотя сейчас я их знаю. И вам для автопрограммирования вполне хватит знания родного языка.

Французский историк Анри де Сен-Симон приказал слуге ежедневно будить себя словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» Джеймс Уотсон, один из открывателей модели ДНК, программировал себя правилами: «Общаться с теми, кто равен тебе по интеллекту, заниматься только тем, что тебе интересно и ставить себе цели на период не более 5 лет». Одну из своих автопрограмм (избегать посредственности) я выразил афоризмом «Серость – это подающая надежду темнота». Программа барона Мюнхгаузена в исполнении Олега Янковского была: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!» А я в заключение скажу так: программируйте себя, дамы, господа и дети! Программируйте!

Записала Ольга КОНОВАЛОВА